

2011-03-16

Бороздина П.А.

Песни любви и гнева

(к 105-летию со дня рождения Героя Советского Союза Мусы Джалиля)

Пел я, весеннюю свежесть почуя,

Пел я, вступая за родину в бой.

Вот и последнюю песню пишу я,

Видя топор палача над собой.

Так писал в берлинской тюрьме Моабит осужденный на смерть советский поэт-коммунист Муса Джалиль. Он был казнен вместе с друзьями – членами подпольной организации, действующей в фашистском концлагере, 25 августа 1944 года. Подпольщики были татарами, но отчизной своей считали всю Советскую страну, за свободу которой героически боролись и мужественно приняли смерть (их гильотинировали в тюрьме Плетцензее). «Татары умерли с улыбкой», - с удивлением вспоминал католический священник Георгий Юрытко. .

Их казнили не сразу. Осужденные полгода ожидали исполнения приговора. Враги надеялись, что подпольщики сломаются и станут покорными рабами. Но они ошиблись. Герои выдержали все физические и нравственные муки и остались верны воинскому долгу. Труднее всего было руководителю группы Мусе Джалилю. Он знал: на родине его считают предателем. Знал, и писал:

Как волшебный кубок из сказки,

Песни – на всем моем пути...

Идите по следу самой последней,

Коль захотите меня найти.

Идя по следам его песен, друзья сумели размотать волшебный клубок его жизни, и честное имя поэта стало известно всему миру. Пойдем и мы по их следам и постараемся кратко осветить путь поэта-героя от детских стихов, звучащих как клятва: «Пусть кому-то быть из нас убитым, – никому из нас не быть рабом!», - до последних, написанных перед смертью: «Умру я стоя, не прося прощенья...»

Муса Джалиль (Муса Мустафович Залилов) родился 15 февраля 1906 года в деревне Мустафино Оренбургской губернии в крестьянской семье. Он рано почувствовал в себе поэтический дар и в годы гражданской войны однажды и навсегда принял правду нового мира, которой оставался верным до последнего дыхания. Первое его стихотворение было напечатано в 1919 году в красноармейской газете «Кызыл юлдуз» («Красная звезда»). Эпиграфом были слова К. Маркса – «Умрем, не будем рабами».

Начиная с 1920 года, Джалиль связывает свою жизнь с комсомолом, много занимается организацией пионерских отрядов в родных краях. Затем становится комсомольским вожаком сначала в Оренбургской губернии, потом в пределах Татарии. Весной 1927

года Муса – делегат Всесоюзной комсомольской конференции, где его избирают членом татарско-башкирской секции ЦК ВЛКСМ. В 1929 году вступает в ВКП(б). Теперь его жизнь и работа связаны с двумя столицами: Москвой и Казанью. В эти годы Муса пишет много стихов. Огонь, зажженный в его сердце комсомолом, он пронес через всю жизнь. Отсвет его прослеживается во многих произведениях Джалиля.

В 1927 году Муса поступает на филологический факультет Московского университета, который успешно оканчивает. Университет, познакомивший Джалиля с богатством мировой культуры, сыграл большую роль в становлении его как выдающегося поэта. Творчество Мусы получило новое дыхание: период подражательности закончился, поэзия стала многотемной: в ней счастливо соединились образная система, идущая от татарского фольклора и классической восточной поэзии с традициями советской и мировой классики, что особенно четко проявилось в его Моабитских тетрадах.

Одаренный музыкальным слухом и безукоризненным вкусом Джалиль после окончания МГУ много внимания уделяет развитию оперного искусства татар, сначала в Москве (театральная студия при консерватории), потом в Казани, где по мотивам народного эпоса создает литературный вариант оперного либретто «Алтынчеч» («Золотоволосая»).

В 30-е годы Джалиль становится признанным татарским поэтом, автором популярных стихотворений и поэм. Пишет он о становлении новых отношений, о свободном труде, об опасности набирающего силу немецкого фашизма и, конечно, о любви. Любовь к женщине, к родной земле, к маленькой дочери Чулпан и к свободе. Знаменательно, что через всю его поэзию 1930-х годов проходит мотив ранней смерти и бессмертия. Однако предчувствия ранней смерти только подчеркивает жизнелюбие поэта.

В солнечный ясный день 22-го июня 1941 года Муса Джалиль вместе с друзьями отправился за город, но, узнав о начале войны, вернулся и поспешил в военкомат. Как руководитель Союза писателей Татарии он имел бронь, однако настоял, чтобы его взяли в армию. Поэта берегли, определили на курсы политработников, а он через Фадеева добился отправки на передовую. Находясь на Волховском фронте, писал стихи о боевой окопной жизни: о взрыве партизанами моста, о погибшей фронтовой сестре, о девочке, убитой фашистами, о ненависти к врагу, о неистребимой вере в победу. Стихи он посылал своему другу, журналисту и литературоведу Гази Кашшафу с наказом опубликовать в татарской печати. Его земляки читали их и укреплялись в патриотическом стремлении помочь фронту. Даже раненый, находясь рядом со смертью, не боялся ее, о чем писал своей жене Амине-ханум. «Я не боюсь смерти. Это

не пустая фраза. (...) Мы очень любим жизнь, хотим жить и потому презираем смерть! А если эта смерть так необходима (в войне за родину)... то нечего бояться, что рано погиб». Поэт был уверен в том, что гибель за родину, «уже есть бессмертие».

Холодное тело засыплет земля.

Песнь огневую засыпать нельзя.

Умри, побеждая, и кто мертвецом

Тебя назовет, если был ты борцом –

так напишет он позже в своих бессмертных песнях.

В июне 1942 года, тяжело раненый, Муса попал в плен, о чем рассказал в стихотворении «Прости, родина!»:

Прости меня, твоего рядового,

Самую малую часть твою.

Прости за то, что я не умер

Смертью солдата в жарком бою.

... Судьба посмеялась надо мной:

Смерть обошла – прошла стороной,

Последний миг – и выстрела нет!

Мне изменил

мой пистолет...

... Что делать?

Отказался от слова,

От последнего слова друг-пистолет.

Враг мне сковал полумертвые руки,

Пыль замела мой кровавый след...

Так Муса оказался в немецком концлагере. Едва оправившись от ранения, он стал думать о побеге. Поняв, что это невозможно, создал подпольную организацию, перед которой поставил задачу «вырвать людей из фашистского плена или умереть. Другого пути нет». И подпольщики повели агитацию среди пленных, используя при этом стихи

Джалиля. Веря в могущество Слова, Муса писал о родной земле, о верности долгу, о любви к родине, о жизни на воле. Он и его друзья уверяли пленных в том, что немцы обязательно потерпят поражение, что нельзя падать духом, что «лучше умереть стоя, чем жить на коленях». В стихотворении «Раб» Джалиль писал о том, что легче погибнуть, чем поддавшись страху, без боя сдаться врагу и навеки стать его рабом.

Нет, не быть человеком тебе:

Ты врагу покорился в борьбе –

Ты лишь руку приподнял чуть-чуть –

И закрылся твой жизненный путь.

Или правду в борьбе защищай,

Или рабство в удел выбирай!

Первый путь – главный путь,

славный путь.

А второй – грязный путь,

жалкий путь.

В концлагере, куда попал Муса, было много пленных, понимающих татарский язык, и поэт старался писать так, чтобы слова его доходили до каждого. Многие его стихи были написаны в песенной манере, с использованием фольклорных мотивов и образов. В его песнях часто встречается популярный в восточной поэзии и любимый поэтом образ цветка, символизирующий бессмертие любви и героического подвига. Так, в стихотворении «Красная ромашка» рассказывается о том, как и почему белая полевая ромашка изменила свой цвет.

... Все ромашки, как ромашки,

Носят белые рубашки.

Все – как снег, она одна,

Словно кровь, была красна.

Вся поляна к ней теснилась:

– Почему ты изменилась?

И ромашка рассказывает о том, что утром, после битвы одинокого героя-бойца с врагами, она умылась в его крови, и вот теперь ей суждено как Чулпан-звезде, вечно гореть и горевать о погибшем.

С конца 1942 года гитлеровцы начали проявлять большой интерес к военнопленным нерусской национальности. Они разработали план создания национальных легионов в помощь предателю генералу Власову. Для осуществления этого плана был создан «Комитет освобождения», куда входили татарские националисты, бежавшие из России и

проживавшие в Берлине. Под непосредственным покровительством министра восточных колоний Розенберга было сформировано правительство мифического государства «Идель-Урал» («Волга-Урал»), которое должно было объединить под эгидой Германии все народы Поволжья. Началась активная идеологическая обработка военнопленных, в особенности татар и башкир, чтобы создать из них карательные батальоны.

Каким-то образом татарским националистам удалось узнать, что в одном из лагерей, расположенных на территории Польши, под именем Гумерова скрывается известный и очень популярный в народе поэт Муса Джалиль. Они начали вербовать его в свои ряды с тем, чтобы помог им в организации батальонов. А поэт в это время уже руководил подпольной организацией, которая готовила побег военнопленных из лагеря. Джалиль мечтал о большом количестве подпольщиков в других лагерях, размещенных в Польше. Мнимый союз с татарскими националистами дал бы возможность свободно ездить по лагерям и посещать Берлин, где он мог бы связаться с немецкими антифашистами.

Перед подпольщиками встал тяжелый выбор. Была противна даже сама мысль о том, чтобы надеть на себя гитлеровский мундир... Но другого пути для осуществления своих планов у Джалиля и его друзей не было, и они согласились «сотрудничать» с врагом.

У Джалиля был приятный голос, хороший музыкальный слух, умение петь татарские песни, аккомпанируя себе на мандолине. Он вошел в организационную музыкальную капеллу, стал ездить по лагерям, устраивать концерты, где исполнялись песни патриотического содержания, в том числе и на слова самого поэта. Подпольщики получили доступ к типографии, стали печатать листовки на русском и татарском языках, создавалась разветвленная сеть антифашистских групп. Началась подготовка к восстанию.

Джалиль по заданию немцев сформировал татарский батальон для борьбы с белорусскими партизанами. Он был подготовлен так, что солдаты, явившись на место назначения в Витебскую область, перебили немецких офицеров и почти в полном составе, вместе с оружием перешли на сторону партизан, а затем сражались вместе с ними с немецкими оккупантами.

Фашисты забили тревогу. Был найден предатель, который втершись в доверие к подпольщикам, выдал ядро организации. Джалиль и его друзья были арестованы, подверглись чудовищным пыткам, но не выдали организацию, взяв вину на себя. Так

спасено было около 80-ти участников подпольных групп.

Обвинив Джалиля и его друзей в подрывной деятельности против рейха, их судили и приговорили к смертной казни. От имени своих товарищей на суде с последним словом выступил Джалиль. Он сказал, что подпольщики не чувствуют себя виноватыми: «Мы советские люди, и мы выполнили свой долг перед Родиной», - заявил он.

Измученные пытками и ежедневным ожиданием смерти, подпольщики вели себя мужественно. Их поддерживало чувство исполненного долга. Но у Мусы оставалось еще могущественное оружие – его песни, которые сопровождали весь его жизненный путь. Чувствуя, что «поэзия не умерла», Джалиль продолжал борьбу с врагами страны словом, оказавшимся сильнее «тысячи смертей», через которые ему пришлось пройти.

Я раньше и не думал, не гадал,

Что сердце может рваться на куски.

Такого гнева я в себе не знал,

Не знал такой любви, такой тоски.

Гнев поэта был направлен против тех, кто заковал его в цепи, лишил его здоровья, свободы и пытается покорить его душу. Он ненавидел гитлеровских палачей, лишенных чести и совести. Так, в стихотворении «Варварство» Джалиль рисует сцену зверской расправы с женщинами и детьми. Ее не в силах вынести даже земля, видевшая за время своего существования много людского горя, но ни разу не испытывая «такой позор и варварство такое», когда мать поднимает головку сына навстречу ружейному залпу. Услышав мольбу ребенка «Я, мама, жить хочу... Не надо, мама! Пусти меня, пусти»! – она произносит страшные слова: «... Закрой глаза, но голову не прячь, / Чтобы тебя живым не закопал палач... / И он закрыл глаза. И заалела кровь... / Две жизни наземь падают, сливаясь. / Две жизни и одна любовь!» и поэт с гневом молит силы природы уничтожить дикарей, «Что кровь детей глотают жадно, / Кровь наших матерей...»

Любовь поэта-патриота была обращена к родной земле, к любимым и родным людям, к свободной и вольной жизни, от которой его отделяют решетки на окне, толстые стены, ряды колючей проволоки.

Какая вдали земля

Просторная, ненаглядная!

Только моя тюрьма

Темная и смрадная.

В небе птица летит,

Взмывает до облаков она!

А я

лежу

на полу:

Руки мои закованы.

Растет на поле цветок,

Он полон благоухания,

А я умираю в тюрьме:

Мне не хватает дыхания.

Я знаю, как сладко жить,

О сила жизни победная!

Но я умираю в тюрьме,

Это песня моя —

последняя.

Джалиль много думает о дочери. Его связывала с маленькой Чулпан какая-то очень крепкая и нежная нить. Она отпустила его на войну, она приходила к нему в его тюремные сны, это о ней тосковал поэт в долгие осенние ночи.

Приговор сегодня объявили:

К смертной казни он приговорен.

Только слезы, что в груди кипели,

Все иссякли... И не плачет он.

Тихо в камере. С ночного неба

Полная луна глядит, грустя.

А бедняга думает, что будет

Сиротой расти его дитя.

Прогоняя «неотвязные мысли» о неизбежной смерти, Джалиль оставался солдатом, борцом, только оружием его теперь стало поэтическое слово. И он продолжал борьбу с врагом. В тюрьме Моабит столкнулась грубая безжалостная сила и могучий дух коммуниста и патриота, решившего «умереть стоя», но не пасть на колени перед варварами-фашистами. И победило светлое творческое начало жизни. В стихотворении «Случается порой» он пишет:

Порой душа бывает так тверда,

Что поразить ее ничто не может.

Пусть ветер смерти холоднее льда —

Он лепестков души не потревожит.

Улыбкой гордою опять сияет взгляд.

И суету мирскую забывая,

Я вновь хочу, не ведая преград,

Писать, писать, писать, не уставая.

Пуская мои минуты сочтены,

Пусть ждет меня палач и вырыта

могила —

Я ко всему готов. Но мне еще нужны

Бумага белая и черные чернила!

Джалиль страстно любил жизнь и, подобно Василию Теркину, бросил вызов смерти, не покоряясь ей.

Знаю, знаю, смерть, с тобой игра –

Вовсе не веселая забава.

Только не пришла еще пора

На земной покой иметь нам право.

... Нет, не умирать, я жить хочу,

Жить сквозь боль, тревоги и мытарства.

Джалиль писал стихи не только для себя. Рядом с ним, в соседних камерах, были его друзья, как и он, томившиеся в ожидании исполнения смертного приговора. Он чувствовал свою ответственность и своим страстными жизнеутверждающими песнями поддерживал в друзьях бодрость и веру в победу, ради которой они пошли на смерть.

Поэт утверждал, что ради грядущей победы стоит пожертвовать собой и что жить, предав себя и свой народ, страшнее честной смерти, пусть даже «под топором палача».

Друг, не горюй, что рано мы уходим.

Кто жизнь свою, скажи, купил навек?

Ведь годы ограничены той жизнью,

Которую избрал сам человек.

... Чем шкуру сохранив, забыть о чести,

О, пусть я лучше стану мертвецом!

Какая ж это жизнь, когда отчизна,

Как Каину, плюет тебе в лицо!..

Создавая свои песни, Джалиль верил, что его судьба и судьба его друзей станет известной на родине и останется в веках героическим примером.

И если молодости ствол подрубят,

В народе корни не исчезнут ввек.

И скажут юные:

вот так, отважно,

Смерть должен встретить каждый человек!

Желая нравственно сломить Джагиля, враги сообщили ему, что на родине его считают изменником. Поэт понимал, что это не пустые слова, что предатель, выдавший организацию, постарается, вернувшись в Казань, оклеветать его и его друзей. Мысль эта была невыносимо тяжела для поэта-героя. И все же он надеялся, что его жена, его верные друзья, его родной народ и советские писатели не поверят клевете. В стихотворении «Не верь!», обращенном к Амине-ханум, он писал:

... Коль обо мне тебе весть принесут,

Скажут: «Изменник он! Родину

предал, —

Не верь, дорогая! Слово такое

Не скажут друзья, если верят в меня.

Я взял автомат и пошел воевать,

В бой за тебя и за родину-мать.

Тебе изменить? И отчизне моей?

Да что же останется в жизни моей?..

Джалиль надеялся и верил, что песни его вырвутся на волю и дойдут до отчизны, он их адресовал не только друзьям по борьбе, не только любимым, но и всему советскому народу. Ведь именно песни были его оружием, его надеждой, его утешением.

... Вам я поверил свое вдохновенье,

Жаркие чувства и слез чистоту.

Умрете вы – умру и я в забвенье.

Будете жить – с вами жизнь обрету.

Сердце с последним дыханием жизни

Выполнит твердую клятву свою:

Песни всегда посвящая отчизне,

Ныне отчизне я жизнь отдаю.

... Песня меня научила свободе,

Песня борцом умереть мне велит.

Жизнь моя песней звенела в народе,

Смерть моя песней борьбы прозвучит –

писал он в своем программном стихотворении «Мои песни».

Джалиль всей душой ненавидел фашизм, но верил в возрождении Германии. Он знал немецкий язык, любил немецкую литературу и в последние дни своей жизни с увлечением читал «Фауста» Гете, что, видимо, укрепляло его душевное состояние.

В известном стихотворении «В стране Алман» (так арабы называли Германию) он гневно спрашивал хозяев Моабитской тюрьмы:

И это страна великого Маркса?!

Это бурного Шиллера дом?!

Это сюда меня под конвоем

Пригнал фашист и назвал рабом?!

И стенам не вздрогнуть от «рот фронта»?

И стягу спартаковцев не зардеть?

Ты ударил меня, германский парень,

И еще раз ударил... За что? Ответь!

... Тому, кто был очарован Гете,

Ответь: таким ли тебя я знал?

Почему прибой симфоний Бетховена

Не сотрясает мрамора зал?

Обращаясь к немецкому народу, Джаилиль требует разогнать «черную пыль»,
заслонившую солнце, открыть тюрьмы и освободить узников.

... Солнцем Германию осветите!

Солнцу откройте в Германию путь!

Тельман пусть говорит с трибуны!

Маркса и Гейне отчизне вернуть!

И в то же время Джаилиль верил, что освобождение от фашизма придет с Востока, и он

приветствовал грядущую свободу.

Придет, придет Москва! Нас вызволит Москва

Из темной ямы хищника-урода.

На красном знамени Москвы горят слова:

«Жизнь и свобода!»

И Москва пришла. Первое известие о Мусе Джалиле – маленькую записочку нашли в Моабитской тюрьме весной 1945 года. Вернулись и его стихи (к сожалению, далеко не все). Весной 1946 года в Союз писателей Татарии принесли первую Моабитскую тетрадь – маленький самодельный блокнотик, сшитый из разрозненных кусочков бумаги и сплошь заполненный арабскими буквами. На последней страничке блокнота было написано обращение Джалиля к «другу, читающему по-татарски». Дальше шли слова о том, что стихи, помещенные в блокноте, принадлежат татарскому поэту Мусе Джалилю (их было в блокноте 60). Они написаны в плену и заточении. Он просит сберечь их, после войны сообщить в Казань и выпустить в свет, «как стихи погибшего поэта татарского народа. Таково мое завещание. Муса Джалиль. 1943. Декабрь». Дальше шел список членов подпольной организации, арестованных вместе с ним, «все они обвиняются в разложении татарского легиона, в распространении советской пропаганды, в организации коллективных побегов».

В 1947 году вторую Моабитскую тетрадь передал в Советское консульство в Брюсселе бельгийский антифашист Андре Тиммерманс, бывший какое-то время Джалилю «соседом по камере». Этот самодельный блокнот содержал в себе 50 стихотворений, написанных латиницей. Рискую жизнью, Тиммерманс спас песни Джалиля, выполнив тем самым просьбу своего друга.

Стихи расшифровали, сделали сначала подстрочники, потом стали переводить на русский язык. Переводили их первоклассные мастера: С. Маршак, А. Ахматова, А.

Тарковский, П. Антокольский, С. Липкин и др. Все, кто соприкасался с Моабитскими тетрадами, понимали, что автор их – героическая личность, патриот, до конца жизни остававшийся верным своему долгу. Песням Джалиля поверили и А. Фадеев, и К. Симонов, и все, кто принимал участие в судьбе поэта. Так, С. Щипачев рассказывал мне, что, познакомившись с Моабитскими стихами, ни на минуту не сомневался в Джалиле и очень хотел, чтобы они были опубликованы. Несмотря на все усилия руководства Союза писателей, этого сделать было нельзя: ведь над Джалилем тяготело подозрение в предательстве.

Верный друг Джалиля, наследник его поэтического творчества Гази Кашшаф, с которым я была хорошо знакома, вспоминал впоследствии, что при поддержке А. Фадеева он и другие друзья поэта, русские и татары, поняли: надо найти предателя, уехавшего из Казани и где-то затаившегося. В поисках свидетелей Кашшаф объехал полстраны. Бывшие военнопленные, те, кто остался в живых благодаря героическому поведению Джалиля и его группы во время следствия, рассказывали правду, но наотрез отказывались написать что-либо. Их можно понять: в послевоенные годы отношение к бывшим военнопленным, как известно, было настороженным.

И предатель, выдавший организацию и оклеветавший Джалиля, был найден в одном из маленьких районных городов Кустанайской области. Он был арестован, признался во всем и по приговору суда 16 января 1951 года понес заслуженное наказание. Так была обнаружена и обнародована правда о подвиге поэта.

25 апреля 1953 года «Литературная газета» опубликовала подборку стихов Мусы Джалиля, и о нем заговорила вся страна. 2 февраля 1956 года Мусе Джалилю Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза, а в 1957 году его стихи были удостоены Ленинской премии. С 1954 года один за другим стали появляться сборники его стихов на татарском, русском языках, на языках народов Советского Союза, а так же европейских.

Веря в бессмертие подвига и поэтического Слова, Джалиль писал незадолго до смерти:

Как упавший цветок поутру,

Я под смертной засну пеленою.

Но последние песни мои

Расцветут в вашем сердце весной.

О Мусе Джалиле написано немало книг, статей, воспоминаний. Ему посвящены стихи, поэмы, драматические и музыкальные произведения.

Многое переменялось в нашей стране. Меньше стали говорить и писать о героических страницах нашей истории. Но имя поэта-героя не забыто, как не забыты его бессмертные песни. Ему и теперь посвящаются стихи. Так, наша землячка, поэт Галина Коротких пишет:

Взирают равнодушно небеса...

А что в России горестной творится?

Муса Джалиль, прославленный Муса,

Скажи, что в вечном сне отныне снится?

Сражался ты за русских и татар,

Литовцев и узбеков, украинцев...

Теперь бы ты, как я, уже был стар, —

Я знать хочу, скажи,

тебе что снится?

Не дай тебе твой мусульманский бог

Увидеть, как разорвана отчизна...

Ты улежать в земле едва бы смог,

Сколь ни могуч...

Ужасна наша тризна!

Пируют вороны. И пир среди чумы

Под адский хохот завершаем мы...

Жизнь постоянно придумывает новые песни, но они не отменяют старых. И чтобы с нами ни случилось, какие бы испытания не пришлось пережить народами России, вечно в памяти нашей будут жить предсмертные слова коммуниста и патриота Мусы Джалиля:

Не спастись мольбою, если враг

Нас возьмет в железный плен оков.

Но не быть оковам на руках,

Саблей поражающих врагов.

Если жизнь проходит без следа,

В низости, в неволе — что за честь?

Лишь в свободе жизни красота!

Лишь в отважном сердце вечность есть!